

© *Е.В. Кадук*

ЭКОНОМИКА ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) В XXI ВЕКЕ: ПАТЕРНАЛИЗМ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ*

В статье на основе полевых материалов и других источников рассматривается современное состояние оленеводства в Анабарском арктическом районе Республики Саха (Якутия). Оленеводство занимает важнейшее место в республиканской политике в отношении регионов проживания народов Севера. Целями этой политики являются поддержка и сохранение местной культуры, обеспечение продовольственной безопасности регионов. Ведется работа по созданию позитивного образа оленеводства на республиканском и региональном уровнях. Оленеводы Анабарского р-на выстраивают свои экономические стратегии с опорой на проводимую государством патерналистскую политику, а также активно задействуют более широкие социальные связи, предпринимательские навыки, проявившиеся в период ослабления государства в 1990-е годы. В различных контекстах в поведении оленеводов заметна амбивалентность: чередующиеся практики избегания государства, стремление к большей самостоятельности и одновременно обращение к ресурсам и авторитету государства. В статье показаны особенности хозяйственной адаптации к изменяющейся природной и социально-экономической среде.

Ключевые слова: оленеводство, долганы, патернализм, Республика Саха (Якутия), рыночная экономика, предпринимательство, адаптация, свободные места.

Введение

В статье на основе полевых материалов анализируются особенности современного оленеводства в Анабарском р-не Республики Саха (Якутия) – далее РС(Я). Основной контекст экономики оленеводства как традиционной отрасли хозяйства народов Севера задается возросшей ролью государственного патернализма, опирающегося на развитую в республике систему законодательного регулирования жизни народов Севера (*Иванова, Штамлер 2017: 213–216*).

Кадук Евгений Владимирович – ведущий специалист Отдела научно-информационного развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1). Эл. почта: evgendmc@yandex.ru. **Kaduk Evgeny V.** – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Vernadsky Avenue, 82, p. 1). E-mail: evgendmc@yandex.ru.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Полевые исследования проводились мной на территории Анабарского р-на в селах Саскылах и Юрюнг-Хая, а также в местах выпаса оленеводческих стад в июле–сентябре 2015 г. и мае 2017 г. С. Юрюнг-Хая сегодня можно по праву назвать оленеводческим: значительная часть трудоспособного населения трудится в этой сфере, а большинство жителей, не занятых в ней, так или иначе связаны с оленеводческим хозяйством – через родственников или имея личных оленей в муниципальных стадах.

Оленеводство народов Севера в советское время подверглось значительной модернизации, его зависимость от государства многократно усилилась. В постсоветский период оленеводы вынуждены были приспосабливаться к новым экономическим условиям и задействовать выработываемые веками качества: гибкость, умение приспосабливаться к изменениям и самостоятельность в решении задач жизнеобеспечения. В новую эпоху наряду с возникновением негативных тенденций открылись и ранее сдерживаемые возможности для развития оленеводческой культуры (*Krupnik 2000: 52; Anderson 2006: 88*).

В современной политике администрации Анабарского р-на и конкретно с. Юрюнг-Хая одно из центральных мест занимает поддержка оленеводства, при этом она имеет черты опеки и патернализма. В поведении жителей Юрюнг-Хаи наблюдается как ожидание помощи со стороны государства и местных властей, так и стремление к самостоятельному решению своих проблем. (Ср. экономическое поведение эвенков-оленеводов Подкаменной Тунгуски в начале и в конце XX в. по отношению к государству: чередование практик избегания и обращения к его авторитету [*Скорин-Чайков 2012: 155–162*]).

Государство в лице конкретных органов власти и административных работников, контролирующих исполнение законов и финансирование оленеводства из бюджета, воспринимается людьми как источник важных ресурсов. Так, оленеводы Юрюнг-Хаи задействуют получаемые при содействии государства и независимо от него продукты домашнего оленеводства, мясо дикого оленя, рыбу, бивень мамонта. Есть основания считать, что оленеводы зачастую решают свои проблемы схожим с предпринимателями образом. Некоторые их стратегии сопоставимы со «свободными местами» (термин, введенный В.Н. Давыдовым) рыболовов-эвенков на Северном Байкале. «Свободные места» в сибирском контексте – это институты и практики, контролируемые местными жителями самостоятельно, независимо от официальных властных структур (*Davydov 2014a: 379–388*). Оленеводы Юрюнг-Хаи при осуществлении хозяйственной деятельности также руководствуются собственными моральными представлениями об использовании тех или иных ресурсов, не всегда совпадающими с установленными законами нормами. В статье рассматриваются экономические стратегии оленеводов, связанные с «предпринимательскими» практиками.

Формы организации и адаптации оленеводства в Анабарском р-не в конце XX – начале XXI века

Начиная с периода советских преобразований конца 1920-х годов и на протяжении всего XX в. оленеводство на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке России, включая северо-запад Якутии, претерпевало ряд последовательных изменений: были созданы простейшие производственные объединения и товарищества, затем колхозы с обобществленными оленями, затем, в соответствии с курсом на укрупне-

ние сельхозпредприятий, большинство колхозов было преобразовано в совхозы. В результате усилилась хозяйственная специализация, произошло наращивание поголовья оленей и товарного выхода, продолжилась индустриализация оленеводческого комплекса (Гурвич 1966: 236–241; Стручков 2005: 129–176; Андреева и др. 2012: 136–161). Период советской модернизации 1960–1980-х годов сопровождался наиболее заметными изменениями в жизни народов Севера и Сибири и конкретно оленеводческого хозяйственного комплекса. Ряд негативных социальных явлений этого времени, характерных и для северо-запада Якутии, описан многими исследователями народов Восточной Сибири: оторванность детей оленеводов от своих родителей в течение большей части года в связи с обучением в школах (Поворознюк 2011: 77–78); сокращение числа кочевых семей из-за ограничения ставок чумработниц в оленеводческих бригадах совхозов и, как следствие, оседание женщин в поселках, где можно было получить работу и присматривать за детьми (Хаховская 2011: 119; Поворознюк 2011: 92; Сирина 2012: 294); увеличение доли холостых оленеводов. Исследователи отмечали неустроенность кочевого быта по сравнению с жизнью в поселке (Хаховская 2011: 119; Андерсон 1998: 193–207); проблемы ретрансляции навыков традиционной культуры подрастающему поколению в условиях оседлой жизни, невысокий уровень подготовки молодых оленеводов (Сирина 2012: 190–201; Поворознюк 2011: 95; Стручков 2005: 172–176); снижение интереса к оленеводству у юношей и девушек, стремящихся осваивать другие, более престижные профессии (Андерсон 1998: 198–202); жесткое разграничение обязанностей работников совхозов, сложность смены специализации – тогда как традиционное хозяйство северных народов отличалось комплексностью и гибкостью (Сирина 2012: 292).

С распадом СССР резко ухудшилась, фактически обрушилась система государственного снабжения арктических поселков, что отразилось на материальной базе традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Объем финансирования оленеводства, по воспоминаниям работников этой отрасли в Юрюнг-Хае, уменьшился настолько, что в какой-то момент прекратилась выплата зарплат. Сократились и другие статьи расходов: так, например, совсем прервалось вертолетное сообщение со стадами (ПИМА 2015, 2017). В то же время пришедшая эпоха открыла народам Севера новые возможности в выборе форм хозяйствования и обретении новых экономических связей, породила изменения в их отношении к пространству и времени, восприятию своего окружения в условиях глобальной экономики (Anderson 2006: 88–95).

В 1992 г. в РС(Я) был принят закон «О кочевой родовой, родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», обозначивший начало этапа массового создания родовых общин представителями народов Севера и другими жителями сельской местности, занятыми традиционными отраслями хозяйства. Значительная часть родовых общин в Якутии сформировалась в 1990-е годы, со временем процесс их образования замедлился, а часть уже созданных вынуждена была закрыться, не приспособившись к рынку. Однако при всем масштабе распространения родовых общин они преимущественно имеют небольшой размер (зачастую состоят из членов одной семьи или 2–3-х близкородственных семей), а их доля в общем объеме сельскохозяйственного производства относительно невелика (Сирина 2010: 85–89).

Родовые общины, организованные в Анабарском р-не, ориентируются преимущественно на охоту и рыболовство. Все они небольшие, имеют в своем составе не

более 10 человек, в штате некоторых находится только руководитель, а остальные работники нанимаются им ежегодно на срок от 2 до 4 месяцев на период основного сезона ведения промысла (ПМА 2015, 2017).

Другой распространенной формой хозяйствования в РС(Я) стали муниципальные унитарные предприятия (МУПы). В Анабарском р-не МУПы («Арктика» в Саскылахе и МУП им. И. Спиридонова в Юрюнг-Хае) появились в 1996 г. в процессе реорганизации двух совхозов, во многом став их преемниками. В сознании значительной части оленеводов нет большого различия между старой и новой формами предприятия: в разговорах люди, в особенности те, кто застал советскую эпоху в сознательном возрасте, зачастую называют муниципальное предприятие по старинке совхозом (ПМА 2015, 2017). Как и во времена совхозов, местные жители в стадах МУПов содержат и своих личных оленей. Доля таких животных по сравнению с советским периодом несколько возросла, однако по-прежнему составляет меньшую часть – в настоящее время не превышает 25% от общего поголовья домашних оленей в районе. По сравнению с совхозами МУПы Анабарского р-на существенно сузили сферу своей основной деятельности и сократили штат работников, однако оленеводство осталось для них главной отраслью хозяйства. Дополнительной деятельностью предприятий стала охота на диких оленей, мигрирующих через территорию Анабарского р-на.

Родовая община «Улахан Кюель», образованная в первой половине 1990-х годов, непродолжительное время совмещала оленеводство с охотой и рыболовством. Однако от такого совмещения пришлось отказаться, поскольку одновременно заниматься крупностадным оленеводством и охотой на диких оленей достаточно сложно. Кроме того, рыболовство на озерах требовало более оседлого образа жизни. Единственная родовая община в Анабарском р-не, которая специализируется в настоящее время на оленеводстве, – «Большой Бегичев». Она ведет выпас оленей на одноименном острове (Большой Бегичев) примерно в 200 км к северу от с. Юрюнг-Хая в юго-западной части моря Лаптевых. Олени содержатся там в режиме свободного выгула в течение всего года. На острове также выпасается 5-е стадо МУП им. И. Спиридонова, поскольку бригадир предприятия является одновременно директором родовой общины. Таким образом, за «муниципальными» и «общинными» оленями присматривает одна и та же бригада, а стада пасутся вместе. По словам руководителя родовой общины, изначально ее члены занимались охотой на дикого оленя и рыболовством. Однако в последние несколько лет основные пути миграции диких оленей сместились, отдалившись от острова, одновременно возникли трудности с выловом и сбытом рыбы после нового распределения квот на промысловый лов в 2013 г. (ПМА 2015, 2017). В результате родовая община «Большой Бегичев» полностью переориентировалась на оленеводство, пройдя перерегистрацию и утвердив новый устав в 2017 г. (ПМА 2017).

Как и для других регионов ведения оленеводческого хозяйства в России, для Анабарского р-на Якутии период с начала 1990-х до начала 2000-х годов стал временем серьезных испытаний. Часть работников совсем покинула отрасль, но многие, оставаясь в штате оленеводческих предприятий, вынуждены были искать иные способы заработка. Более приспособленными к развивающимся в стране рыночным отношениям в условиях рухнувшей системы государственной поддержки традиционного хозяйства оказались охота и рыболовство, что фиксировалось исследователями в разных регионах Севера России, где оленеводство пришло в упадок (ПМА 2015, 2017; *Воробьев*

2011: 317, 329–336; Davydov 2014a: 381, 2014b: 29–30). Приоритет с пушной охоты сместился в сторону мясной. В 1990–2000-е годы через территорию Анабарского р-на проходили потоки миграции диких оленей Лено-Оленекской популяции, что обусловило участие значительной части мужского населения, включая оленеводов, в охоте на дикого оленя. В 2010-е годы пути миграции стали заметно меняться. В 2017 г. люди, зарабатывавшие ранее исключительно охотой на дикого оленя, в интервью говорили о возникших в настоящее время трудностях и о поиске новых возможностей. Охота на мигрирующего дикого оленя приобрела коммерческое значение. В Анабарском р-не люди, ориентированные на коммерческую добычу, зарегистрировали промысловые участки и получили право на ежегодные более высокие квоты на отстрел животных и вылов рыбы по сравнению с квотами для личного потребления. Однако коммерческая промысловая деятельность требует значительных расходов на снаряжение, транспорт, горючее, что далеко не каждый может себе позволить. Для подавляющего большинства населения, вовлеченного в охоту и рыбную ловлю, эти промыслы имели в 1990–2000-е годы и имеют целью в настоящее время прежде всего обеспечение минимального уровня потребления для себя, своей семьи, круга близких родственников. Кроме внутрисемейного потребления добыча задействуется в незначительных по объему бартерных сделках с приезжими и местными торговцами для получения продуктов питания и товаров первой необходимости, горючего и запчастей для используемой в промысле техники (ПМА 2015, 2017).

В течение 1990-х – начале 2000-х годов спад в оленеводческом хозяйстве, выразившийся в сокращении поголовья домашних оленей, происходил у всех народов севера России, в т.ч. Якутии, только ненцы составили исключение (*Krupnik* 2000: 53; *Баскин* 2016: 28–35; *Грэй* 2016: 47). В Анабарском р-не по данным местной статистики пик падения поголовья домашних оленей пришелся на 2003 г., когда их количество снизилось до 9,5 тыс., из которых около 8,5 тыс. приходилось на с. Юрюнг-Хая. В этот период решением администрации был запрещен массовый забой домашних оленей. В благополучные годы поголовье оленей в районе (при сохранении достаточно высокого уровня забоя) достигало 25 тыс., из которых примерно половина была закреплена за совхозом в Юрюнг-Хае.

В с. Юрюнг-Хая упадок был не столь катастрофичным, как в соседнем Саскылахе, в котором с 1992 по 2004 гг. количество стад домашних оленей сократилось с семи до одного (в Юрюнг-Хае до настоящего времени удалось сохранить все семь). Управление сельского хозяйства района фиксировало регулярные потери животных в оленеводческом предприятии Саскылаха. Несколько раз волевым решением часть оленей из Юрюнг-Хаи передавалась в Саскылах (ПМА 2015, 2017).

Бывший зоотехник и директор МУП им. И. Спиридонова Эдуард в качестве причин упадка оленеводства в районном центре назвал особенности формирования населения Саскылаха в 1950–1960-е годы: в основном это были приезжие из других районов, ранее не занимавшиеся оленеводством. Из-за нехватки специалистов их приглашали в Саскылах из Юрюнг-Хаи. Бригадир, отвечающий за 4-е стадо МУП им. И. Спиридонова, Иван Туприн, штатный оленевод с 1992 г., объяснил резкое падение поголовья оленей на предприятии Саскылаха в постсоветское время нехваткой хороших специалистов и уходом старшего поколения оленеводов из отрасли. Несколько информантов говорили о случаях увода домашних оленей дикими из муниципального стада в Саскылахе (ПМА 2017).

По воспоминаниям Ивана Туприна, особенно трудными для оленеводов были 1996–1998 гг., когда предприятие не выплачивало зарплату своим работникам: «Три года не платили зарплату... Не работали в оленеводстве. И всяких продуктов не было, ни сгущенки, ни масла... Фигово было тогда» (ПМА 2017). Большинство оленеводов Юрюнг-Хаи, оставаясь в штате предприятия, фактически занимались охотой и рыбной ловлей, добывая средства к существованию. По словам Ивана, в это время в с. Саскылах открылась фактория, куда оленеводы Юрюнг-Хаи ездили сдавать добытые мясо диких оленей, шкуры песцов и рыбу. Там же в Саскылахе на вырученные деньги покупались продукты питания, товары первой необходимости, которые в эти годы можно было приобрести только в райцентре. Таким образом, оленеводы Юрюнг-Хаи обеспечивали свое существование в трудный период падения государственной системы обеспечения, занимаясь охотой и рыболовством (ПМА 2017).

Оленеводство в региональной и местной политике

В настоящее время важность отрасли подчеркивается как правительством Республики, так и администрациями Анабарского р-на, сел Саскылах и Юрюнг-Хая. Ряд управленческих решений, включая создание позитивных визуальных образов, воспроизводимых в пространстве сел района, нацелен на повышение престижа работы оленевода.

Регулирование сферы оленеводства в Республике Саха (Якутия) определяется законом от 25 июня 1997 г. 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (изменения от 25 апреля 2006 г., от 15 октября 2009 г.), в тексте которого отмечается необходимость «создани[я] условий для экономической деятельности и сохранения традиционного уклада, образа жизни и культуры народов Республики Саха (Якутия), для которых оленеводство является традиционным видом хозяйственной деятельности»¹. Таким образом, подчеркивается связь этой отрасли хозяйства с традиционной культурой коренных малочисленных народов – связь, отмеченная и в ряде исследований (см., напр.: King 2002: 133–159; Соколовский 2001: 23; Баскин 2016: 28–39). Тот же охранительный дискурс в отношении культур эвенков и долган, непосредственно связанных с оленеводством, в постсоветский период воспроизводится работниками администраций разного уровня, учреждений социально-культурной сферы и непосредственно оленеводами Анабарского р-на (Гольдерова, Дадаскинов 2004: 35–44; Андреева и др. 2012: 189, 200; ПМА 2017). Законом РС(Я) 3 N 179-1 гарантируется преимущественное право на занятие оленеводством и промыслом диких северных оленей коренным малочисленным народам и другим этническим группам Севера, а также предусматривается финансирование оленеводства из средств республиканского бюджета: гарантированная закупка оленеводческой продукции, ряд дотаций и компенсационных выплат по затратам оленеводческих хозяйств различных форм собственности, налоговые льготы².

Глава Анабарского р-на И.И. Семенов, уроженец с. Саскылах, прошедший путь от районного ветеринарного врача до сотрудника Министерства сельского хозяйства

¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 года 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (с изменениями на 15.10.2009). Преамбула.

² Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 года 3 N 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (с изменениями на 15.10.2009) Гл. 1.

Республики Саха (Якутия), был избран на должность осенью 2013 г. Поддержку и развитие сельского хозяйства наряду с обновлением жилого фонда он видит важнейшим направлением деятельности администрации. Помимо сохранения традиционной культуры, оленеводству отводится значительная роль в решении проблемы занятости и обеспечении стабильного снабжения местного населения относительно недорогим мясом – важнейшим продуктом питания. В ежегодных декабрьских отчетах главы района описывается положение сельского хозяйства и ситуация в оленеводстве, приводятся количественные показатели, характеризующие снабжение оленеводческих предприятий горюче-смазочными материалами, продуктами питания, материалами для строительства и ремонта балков. Цифры свидетельствуют о значительной доле расходов на оленеводство в ежегодном бюджете района, а отчет за 2017 г. сообщает о существенном увеличении доходов людей, занятых в отрасли³. Директор МУП им. И. Спиридонова Дмитрий Соловьев в интервью также отметил существенный рост заработных плат оленеводов, снабжение их самих и их семей всеми необходимыми продуктами питания, техникой, горючим, указал и на важнейшую роль республиканских дотаций в поддержке оленеводства, поскольку предприятие имеет сравнительно небольшую прибыль (ПМА 2017).

Значение оленеводства в жизни населения Анабарского р-на подчеркивается, кроме того, визуальными графическими и скульптурными образами, символами. На гербе района, утвержденном в 2004 г., изображены северный домашний олень и держащий его человек. В с. Саскылах неподалеку от зданий сельской и районной администраций в 2006 г. был установлен памятник уроженцу района, эвенку, Николаю Егоровичу Андросову, который был директором совхоза «Анабарский» на закате советской эпохи (1989–1990 гг.), а затем главой Анабарского р-на (1990–2002 гг.). Памятник подчеркивает связь этого уважаемого человека с оленеводством: Н.Е. Андросов ведет домашнего оленя. В местной краеведческой литературе и в документальных фильмах воспроизводится позитивный образ бывшего главы района, помимо прочего отмечается его вклад в сохранение и развитие оленеводства. В Юрюнг-Хае на центральной площади рядом со зданием администрации стоит памятник единственному в истории района Герою Социалистического Труда, уроженцу села, оленеводу Илье Спиридонову. Еще одно напоминание об оленеводстве можно увидеть на въездных знаках в Саскылах и Юрюнг-Хаю, на которых изображены северные олени.

В культурной политике, реализуемой в районах РС(Я), связанных с отраслью, большое значение уделяется Дню оленевода – празднику, укоренившемуся в советский период повсеместно в оленеводческих регионах. В Анабарском р-не его сценарий обычно подчеркивает этническую специфику оленеводов – долган и эвенков. Как административные работники, так и сотрудники культурно-просветительских учреждений в разговорах отмечали важность этого праздника для местного сообщества. Так, представительница районной администрации поставила его в один ряд с основными, отмечаемыми жителями Анабарского р-на: Новый год, 8 Марта, День оленевода, Байанай (проходит в августе, связан с охотой) (ПМА 2015, 2017). Ежегодно в апреле на праздник собираются оленеводы, их родственники и друзья из Саскылаха и Юрюнг-Хаи, а порой и из соседних долганских селений Красноярского

³ Средняя размер заработной платы превысил 36 000 руб., тогда как в отчете за 2015 г. он не достигал до 20 000 руб.

края. Центральная часть Дня оленевода – скачки на оленьих упряжках в различных категориях. Победители получают от спонсоров ценные призы, зачастую связанные с хозяйственной деятельностью оленеводов – снегоходы, лодочные моторы.

Патернализм и самостоятельность в хозяйственной деятельности оленеводов

Закон «О северном домашнем оленеводстве» РС(Я) содержит довольно широкий перечень видов целевого финансирования, социальных гарантий и льгот, направленных на поддержку оленеводческих хозяйств различных форм собственности. Много говорят о таких мерах – реализуемых и планируемых – в настоящее время и в администрации Анабарского р-на РС(Я). Однако при всем внимании к отрасли со стороны органов власти сами оленеводы зачастую высказывают мнения о недостаточной поддержке государства и слабой защищенности своих интересов от его же действий, связанных с освоением природных ресурсов, а также от деятельности добывающих предприятий. Некоторые оленеводы обеспокоены перспективами отрасли в регионе.

Чумработница муниципального предприятия им. И. Спиридонова Мария, отвечая в мае 2017 г. на вопрос о современных проблемах оленеводства, высказала свои опасения относительно его будущего и будущего долганского народа в районе: «Главное я думаю, вот глава должна понять, что оленеводство самое наше, да. Вот если не будет оленя, района этого тоже не будет. Нас уже не будет как долгане, да. Они должны были заинтересовать, хотя бы зарплатой... Сохранить должны оленеводство... Ну вот как оленей не будет, нас не будет» (ПМА 2017). В словах Марии воспроизводится тезис о ведущей роли оленеводства в сохранении культуры народов Севера, сформулированный в упомянутом выше законе, правда, воспроизводится в крайней форме: утрата оленеводства неминуемо ведет к исчезновению долганского народа. Бригадир Иван предположил, что на смену кочевому оленеводству может прийти клеточное, как в Норвегии, а судьба долган видится ему тоже не слишком радостной:

– Те же долганы здесь останутся или нет?

– О, просто в книжках останутся. В паспортах... (ПМА 2017).

Пессимистичное видение судьбы отрасли в районе характерно и для других оленеводов Юрюнг-Хаи, подчеркивающих, однако, что они сохраняют свою приверженность этому занятию и в обозримом будущем. Схожие высказывания о связи оленеводства с личной судьбой и судьбой всего народа фиксировались среди представителей других народов Севера, занятых оленеводством, например, среди коряков и чукчей Камчатки, значительная часть которых непосредственно в оленеводство не вовлечена (King 2002: 138, 158).

Неуверенность оленеводов в завтрашнем дне поддерживается относительно небольшими размерами зарплат и регулярными задержками их выплаты при высоких затратах на снегоходы, запчасти, топливо, а также неверием в законодательную защищенность и недоверием к чиновникам разных уровней (включая директора муниципального предприятия), утверждающих, что они действуют в интересах людей. Один из оленеводов с. Юрюнг-Хая в негативной форме описал ситуацию: «Вот такая жизнь. Природа нас кормит. Этих законов, запретов всех не сделали бы, как в раю жили бы <...> Законы мешают всякие, налоги нам, малочисленным народам. Так и напиши. Всяких законов придумали, ради своих интересов или как...» (ПМА

2015). При том что, как было отмечено выше, в РС(Я) принят целый комплекс законодательных актов, защищающих коренные малочисленные народы, проживающие на ее территории, приведенный комментарий демонстрирует наличие определенного разрыва между парламентариями республики, в т.ч. выступающими от имени народов Севера, и оленеводами арктического района. Люди Юрюнг-Хаи не верят, что в парламенте или правительстве Якутии есть чиновники, защищающие интересы оленеводов и коренных малочисленных народов в целом. Подобная ситуация наблюдается и в других оленеводческих районах России. Дистанция между оленеводами и локальными представителями Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, недоверие простых тружеников к последним отмечается в работе Д. Андерсона на основе полевых исследований в Хатангском р-не Таймыра (2002) и в Забайкалье (2004) (*Anderson 2006: 92–94*). В работе А.А. Ивановой и Ф.М. Штаммлера, сравнивающей управление природными ресурсами у ненцев и якутов, отмечается, что оленеводы из числа ненцев достаточно успешно ведут прямые переговоры с представителями добывающей промышленности, администрацией Ямало-Ненецкого округа, и в результате ненцы имеют более серьезную поддержку в вопросе сохранения традиционного образа жизни по сравнению с коренными народами Якутии (*Иванова, Штаммлер 2017: 220–221*). Вероятно, именно такого прямого участия в решении своих проблем не хватает оленеводам-долганам Юрюнг-Хаи.

Как было отмечено выше, благополучие МУПов во многом зависит от республиканских дотаций, поскольку собственная прибыль предприятий невелика. Подобная ситуация характерна для всей Якутии: по итогам 2015 г. суммарная выручка оленеводческих хозяйств республики от реализации продукции покрывала только 13,7% от суммы затрат на основное производство (*Губарев 2016*). МУП в Юрюнг-Хае получает прибыль за счет продажи в основном мясной продукции и частично – рогов, шкур и камусов. Мясо реализуется главным образом внутри района: для жителей – через магазины, для питания в школах и детских садах, а также для промышленников, работающих на территории района, – через систему закупа. Так, ОАО «Алмазы Анабара» приобретает большую часть продукции МУПа, при этом самостоятельно осуществляет ее транспортировку в свои промышленные поселения. Небольшая часть мясной продукции вместе со шкурами и камусами вывозится предприятием на продажу в г. Якутск.

По словам опрошенных мной оленеводов и чумработниц, МУП снабжает бригаду продуктами питания и ГСМ далеко не в полном объеме, а снегоходы люди чаще всего покупают сами (*ПМА 2017*). Основные претензии оленеводов к руководству МУПа сводятся к низким заработным платам, регулярным задержкам их выплаты, отсутствию вознаграждений за сданное предприятию мясо домашнего оленя. Так, бригадир отвечающий за одно из стад, в мае 2017 г., рассказывая об объемах заготавливаемого его подразделением мяса домашнего оленя, выразил недовольство по поводу отсутствия стимулирования работников, имеющих высокие показатели. (Вознаграждение было обещано оленеводам предыдущим руководителем МУПа.) По словам мужчины, его бригада осуществляла разделку и транспортировку мяса из тундры до поселкового ледника МУПа собственными силами. Кроме того, напряжение среди людей вызывали и безвозмездные передачи оленей в менее успешные стада предприятия по распоряжению директора МУПа или в единственное стадо муниципального предприятия в Саскылахе по распоряжению главы Анабарского

р-на. Такие передачи, по словам бригадира, его подразделение выполняло несколько раз, не получая совершенно никаких компенсаций или вознаграждений (ПМА 2017).

Некоторые оленеводы Юрюнг-Хаи, в первую очередь из числа успешных хозяйственников или руководителей внутренних подразделений МУПа, высказывали стремление к бóльшей самостоятельности: говорили о необходимости принятия каких-либо решений без согласования с руководством муниципального предприятия. Так, бригадир Иван, отвечающий за 4-е стадо МУПа, обсуждая со мной новые зимние передвижные дома (балки), выделенные каждой бригаде, сказал, что лучше бы он себе сам построил балок, получив от предприятия материал или деньги на его закупку. А бригадир Роман (7-я бригада МУПа) говорил о стремлении выйти из состава МУПа и создать свою родовую общину. По мнению руководителя одной из бригад предприятия, в районе оленеводы могут самостоятельно управлять отраслью; ему видится бессмысленной работа управления сельского хозяйства в администрации Анабарского р-на: «Если бы мы все оленеводство на себя взяли бы. Да, в частные руки, они без работы остались бы. На чужих харчах сидят». Отвечая на мой вопрос о том, кому его бригада сдает мясо оленя, мужчина акцентировал внимание на зависимом от государства положении оленеводов: «Мы вообще ничего не сдаем, мы рабы государства». В действиях руководства МУПа, районной администрации и власти РС(Я) в настоящее время проявляется патерналистский подход к оленеводству и народам Севера в целом, когда люди обеспечиваются всем необходимым, но лишаются самостоятельности в решении многих вопросов. Подобный патернализм имеет много общего с политикой советского времени, касающейся коренных малочисленных народов, а также находит параллели с более ранними историческими примерами проявления государственной политики в отношении тех, кто по логике властей, с одной стороны, нуждается в защите, а с другой – не умеет самостоятельно распоряжаться деньгами и потому ограничивается в этом. Так, тунгусы Северо-Восточного Прибайкалья в конце XIX – начале XX в. имели право сдавать угодья в аренду, но пользоваться доходом могли лишь путем получения продуктов в общественном магазине, поскольку не имели прямого доступа к денежной прибыли (*Сирина, Давыдов 2017: 70–72*). В подобной логике действовали в отношении бедных в США в XIX – начале XX в. государственные и частные благотворительные организации, используя долгое время лишь материальные формы помощи необеспеченным категориям населения, а затем после распространения денежных пособий, контролируя через своих представителей их расходование (*Зелизер 2004: 170–199*).

Критика органов власти и стремление к большей самостоятельности в рассуждениях оленеводов порой легко и непротиворечиво уживается с ностальгией по советской эпохе. Советский период в их воспоминаниях зачастую связывается с хорошими зарплатами, высоким уровнем обеспечения всем необходимым, частыми вертолетными рейсами в стада по вызову оленеводов. Так, бригадир Роман, планирующий создать свою родовую общину, с ностальгией вспоминал советское время, которое застал еще в школьном возрасте: «И потом сразу как приехал, родители в тундре были. Я тоже в тундру поехал на вертолете. Раньше-то вертолеты часто летали... Сейчас все Советский Союз критикуют, а раньше мы как в раю жили все в России <...> Раньше все было... за счет государства». В воспоминаниях о жизни в СССР Роман акцентирует внимание на хорошем обеспечении оленеводов всем необходимым, видя в этом позитивную роль государства и оставляя в стороне его контролирующую функцию, ко-

торы, однако, вскоре в ходе того же разговора оказываются объектом критики уже в современном контексте. Затем Роман вновь подчеркивает лояльность советскому порядку: «Все олени МУПовские. У нас же коммунизм, при коммунизме мы же выросли, поэтому так привыкли, не ворует у совхоза». Такая, на первый взгляд, амбивалентность представлений о государстве с ностальгией по патернализму на одном полюсе и стремлением к снижению зависимости от чиновников различных уровней – на другом, сравнительно легко уживается в сознании оленеводов. Стоит заметить, что спустя два года, в 2017 г., Роман оставался бригадиром МУПа; он не предпринял никаких действий к регистрации оленеводческой родовой общины.

Дж. Скотт описал преобразования советского государства в сфере сельского хозяйства как показательный пример авторитарного высокомодернистского планирования, когда все изменения претворяются в жизнь грубой силой власти, игнорируя социально-экономическую специфику и культурный багаж локальных сообществ. Подобные проекты могли быть успешны в достижении простых целей, однако терпели поражение там, где требовались более глубокие знания местного населения и его опыта (Скотт 2005: 318–344). Противоречия политики СССР в отношении коренных малочисленных народов Севера наиболее заметно проявились в 1970–1980-е годы, тем не менее именно этот период у части оленеводов Юрюнг-Хаи парадоксальным образом вызывает ностальгию сегодня. В работе Н.В. Ссорина-Чайкова показано на этнографическом материале как у эвенков Подкаменной Тунгуски в начале и в конце XX в. очень схожим образом проявлялись как притяжение к государству, демонстрация своей лояльности ему, так и различные формы его избегания. Оба вида реакции на государство фактически сосуществовали и поочередно сменяли друг друга, преследуя в каждом конкретном случае определенные прагматические цели. В свою очередь, идентичность малых народов⁴, воспроизводимая советским государством в отношении эвенков и других народов Севера, оказалась для них достаточно стойкой. Эта идентичность определяется через категории инаковости и, с одной стороны, подчеркивает традиционный образ жизни и занятий⁵, с другой – устанавливает как важные цели приобщение к современной советской культуре и благам цивилизации, преодоление своей инаковости. В связи с этим распад СССР и последовавшее ослабление государственного патернализма в отношении народов Севера вызвали у них ощущение брошенности и сильную ностальгию по Советскому Союзу (Ссорин-Чайков 2012: 155–162, 169–173; ПМА 2015, 2017).

Хотя в основном все сотрудники МУПа в Юрюнг-Хае недовольны своими зарплатами, в оленеводство сегодня приходит часть местной молодежи – те, кто не смог получить образования или найти себе более высокооплачиваемое место в районе (ПМА 2015, 2017). Работа в оленеводстве гарантирует минимальное обеспечение и доступ к различным ресурсам, получаемым от государства, МУПа либо добываемым самостоятельно.

⁴ То есть в отношении народов, непрерывно преодолевающих отсталость безгосударственной общественной формации.

⁵ Для современных долган Юрюнг-Хаи День оленевода, изобретенный в советское время, стал самым важным праздником.

Оленеводы как предприниматели

Современные оленеводы Юрюнг-Хаи в большей или меньшей степени задействуют часть доступных ресурсов, таких как продукты домашнего оленеводства, мясо дикого оленя, рыбу, бивень мамонта, не только для удовлетворения первичных потребностей, но также для улучшения своего благосостояния и укрепления домашнего хозяйства. Наиболее значимым и ценным в этом отношении является бивень мамонта. Надо заметить, что наличие тех или иных ресурсов, доступ к ним и возможности использования варьируются в зависимости от места проживания людей, поскольку оленеводы как работники муниципального предприятия привязаны к пастбищам, границы которых установлены для каждой конкретной бригады, кроме того, их знания о местности также могут различаться. Оленеводы Юрюнг-Хаи в разговорах со мной, как правило, противопоставляли себя местным «коммерсантам», зарабатывающим торговлей. В отличие от последних они не ведут повседневной предпринимательской деятельности, однако при этом зачастую решают свои проблемы схожим с торговцами образом. В мае 2017 г. жительница Юрюнг-Хаи, школьная учительница на пенсии Анистья Егоровна в разговоре со мной косвенно подтвердила схожесть деятельности оленеводов с предпринимательством: она призналась, что коммерсантов в селе совсем мало, и что в такого рода занятия в большей степени вовлечены местные оленеводы (ПМА 2017). Как отмечается в исследовании Д. Андерсона, изобретательность в поиске выхода на глобальный рынок и поддержание связей с различными предпринимателями из городской среды во многом определяют успех оленеводческого хозяйства (Anderson 2006: 97, 99).

Личные домашние олени являются не только важнейшим источником пищи, их шкуры применяются в качестве утеплителя для зимних балков и служат для изготовления одежды. Такая одежда в повседневной жизни используется редко, надевается она чаще всего только на празднование Дня оленевода. Унты из оленьих камусов носят чумработницы и жены оленеводов, тогда как мужчины предпочитают сапоги с теплыми вставками. В отличие от МУПа, ежегодно реализующего мясную продукцию домашнего оленеводства, люди, работающие на предприятии, прибегают к продаже мяса и субпродуктов нерегулярно – они используют их преимущественно для обеспечения своих семей и круга близких родственников (ПМА 2015, 2017). Исключение составляют оленеводы о-ва Большой Бегичев, которым принадлежит порядка 1200 животных, составляющих стадо родовой общины «Большой Бегичев». Община реализует свою продукцию вместе с муниципальной исключительно компании ОАО «Алмазы Анабара» на бартерной основе – в обмен на ГСМ. Некоторые оленеводы признавались, что продают различным предпринимателям в селе сброшенные рога как личных, так и муниципальных оленей. Молодой мужчина, бригадир Егор (3-я бригада МУП) сообщил, что продажа рогов помогла ему купить новый снегоход «Буран» (ПМА 2017).

Продажа живых оленей совершается, вероятно, довольно редко. Как отмечал антрополог А. Вентцель, они чаще служат предметом дара во взаимодействиях жителей Юрюнг-Хаи⁶ (Ventsel 2005: 223–224). Сравнительно успешные оленеводы, семьи которых владеют 100 и более оленями, в разговорах со мной говорили, что хотели бы увеличить поголовье, а один из бригадиров поведал о своем желании купить в личное

⁶ Аймар Вентцель проводил полевое исследование в Анабарском р-не в течение 8 месяцев в период 2000–2001 гг.

пользование несколько важенок (ПМА 2015, 2017). Помимо того что олени выступают ресурсом, страхующим от непредвиденного случая, они во многом как предмет собственности и личного богатства имеют символическое значение, являясь показателем успеха и определяя престиж оленевода (*Ventsel* 2005: 220–230; ПМА 2015, 2017).

Дикие олени, по сообщениям оленеводов Юрюнг-Хаи, за несколько последних лет значительно изменили пути миграции, так что в последние годы лишь изредка удается подстрелить одиночную особь и только для внутрисемейного потребления. В недалеком прошлом коммерческой добычей этих животных занималась родовая община «Большой Бегичев», за которой закреплен зарегистрированный промысловый участок с правом получения ежегодных квот на отстрел дикого оленя. В настоящее время, по словам директора Дмитрия, община вынуждена полностью переориентироваться на оленеводство (ПМА 2017).

Рыболовство среди оленеводов распространено в разной степени: одни ставят сети непродолжительное время и ловят рыбу исключительно для своей семьи, бригады, на корм оленегонным собакам, другие же занимаются этим более основательно на протяжении всего холодного периода года, когда перекочевки стада не столь часты, и затем продают часть улова приезжим или местным предпринимателям. По мнению бригадира Ивана, рыболовство сложно совмещать с оленеводством, которое требует значительных усилий. Сам Иван ловит рыбу только для своей семьи (ПМА 2017). Как правило, на продажу идут сравнительно небольшие объемы рыбы, тем не менее это позволяет решать оленеводам насущные повседневные проблемы. Зачастую улов продается не за деньги, а обменивается на различные товары: продукты питания, горючее, запчасти для снегохода. Согласно закону «О северном домашнем оленеводстве» оленеводы имеют право на вылов некоторого количества рыбы в местах кочевания для личного потребления, однако для реализации продукции требуется лицензия на сбыт по квоте, устанавливаемой ежегодно. Лицензия на промысловую добычу рыбы не выдается ни муниципальному оленеводческому предприятию, ни отдельным оленеводам или бригадам. Жители Юрюнг-Хаи, не имеющие такой лицензии, руководствуются личными и коллективными представлениями о допустимом объеме вылова рыбы, что сопоставимо с поведением эвенков из северобайкальской деревни, использующих «свободные места». Контроль рыбной инспекции, по признанию многих жителей Юрюнг-Хаи и Саскылаха, в районе слабый, но за его пределы без лицензии вывезти рыбу на продажу очень сложно. Впрочем, при сравнительно небольших объемах улова (до 2–3 т на бригаду за зимний сезон) нет большой нужды (да и очень затратно) куда-то вывозить его, можно столкнуться с более строгим контролем со стороны соответствующих инстанций. Все проблемы, связанные с лицензиями на вывозимую рыбу и общением с контролирующими органами на автозимниках, решаются предпринимателями-перекупщиками.

Бивень мамонта, согласно исследованиям А.А. Попова в 1930-е годы, исторически широко использовался долганами в домашнем хозяйстве (*Попов* 1937: 113). Современные долганы добывают его почти исключительно для продажи; он стал очень дорог в конце XX – начале XXI в. в результате стабильно высокого спроса на рынках Китая, куда преимущественно и вывозится из арктических районов России⁷. В 2016–2017 гг., по свидетельствам информантов из Юрюнг-Хаи, цена на бивень высшего

⁷ Наследие вечной мерзлоты: Россия теряет миллиарды на бивнях мамонтов. <https://regnum.ru/news/2366039.html> (дата обращения: 15.01.2019).

качества заметно снизилась по сравнению с 2015 г., однако осталась по-прежнему достаточно высокой и привлекательной для потенциальных добытчиков. Некоторая часть населения Анабарского р-на, прежде всего взрослые мужчины, регулярно отправляется в «бивневые» экспедиции, мечтая найти крупные экземпляры и тем самым существенно улучшить свое материальное положение. Обычно активные поиски приходится на короткий период перед наступлением зимы – август–сентябрь, когда земля оттаивает после продолжительных холодов. Чаще добытчики обращают внимание на откосы, крутые берега рек и ручьев, где вероятность увидеть части бивней мамонта, вытолкнутых оттаявшей породой на поверхность, более высокая. При этом жители Анабарского р-на, как правило, не используют специального оборудования, запрещенного законом (мотопомп).

Оленеводы Юрюнг-Хаи в ряду добытчиков мамонтового бивня в Анабарском р-не едва ли заметно выделяются, однако зачастую они лучше знают окрестности, а также имеют возможность совмещать поиски с работой в стаде МУПа. По их рассказам, далеко не любая местность на территории района одинаково богата ценным ресурсом. Часть оленеводов, с которыми я общался, говорили, что в местах кочевания их стада бивни находятся крайне редко, так что они не питают больших надежд на их обнаружение. В то же время некоторые признавались, что специально во время отпуска отправлялись на поиски бивня в соседний Таймырский автономный округ Красноярского края, где шансы найти экземпляры хорошего качества, по их словам, гораздо выше чем в Анабарском р-не. «Бивневые» экспедиции на Таймыр, несмотря на дополнительные затраты времени, сил, горючего и износ техники, по рассказам их участников и сторонних наблюдателей, заканчивались успешно (ПМА 2015, 2017).

Оленеводы, в особенности те из них, кто активно ищет бивни мамонта, знают примерные расценки в зависимости от сезона на экземпляры различного качества, есть у них и контакты перекупщиков из Якутска – с ними связываются по мобильному либо спутниковому телефону, а затем, если удастся договориться, перекупщики приезжают в Юрюнг-Хаю либо соседний Саскылах, где осуществляется сделка. Расчет ведется наличными деньгами. Сейчас деятельность по добыче бивней мамонта в Якутии формально разрешена и относительно слабо регулируется государством. Для этого необходимо иметь лицензию на сбор минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов в соответствии с законом РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах». Однако население Анабарского р-на, как правило, не получает никаких разрешений и не пытается вывозить бивни самостоятельно куда-либо за пределы района. Этим занимаются перекупщики, которые имеют лицензию на добычу и оформляют все найденное на себя. В разговорах оленеводы, как и другие добытчики ценного ресурса, высказывали опасения, что государство начнет усиленно контролировать эту деятельность, так что нужно будет согласовывать различные документы, а в конечном счете представители коренных малочисленных народов будут полностью вытеснены из этого бизнеса.

Опасения оленеводов имеют определенные основания, поскольку дискуссии о необходимости усиления государственного регулирования для «наведения порядка» в сфере добычи бивней мамонта довольно регулярно поднимаются представителями республиканских органов власти и журналистами. В 2005 г. в Якутии был принят закон «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми останками мамонтовой фауны», однако его действие было

приостановлено в 2007 г. по решению прокуратуры⁸. С тех пор чиновники разного уровня неоднократно выступали с идеями и конкретными предложениями о создании нового специального закона, регулирующего эти вопросы⁹. Наконец в 2018 г. законопроект, разработанный в парламенте Якутии для упорядочивания сбора мамонтовых костей, был внесен на обсуждение в Госдуму. Он предполагает установление порядка пользования недрами для коммерческого сбора и создание единого оператора, курирующего вопросы сбора, переработки и экспорта бивней мамонта. По мнению республиканских чиновников, принятие федерального закона позволит создать условия для снижения доли теневого бизнеса, а также упростить лицензирование промысла для местных жителей¹⁰.

Еще одним свидетельством большого внимания к этой проблеме со стороны журналистов, чиновников различного уровня и иных заинтересованных лиц стал показ в мае 2018 г. на центральном телеканале Россия-24 передачи «Остров скелетов», посвященной добыче бивней мамонта в Усть-Янском р-не РС(Я). На мой взгляд, фильм сделан в духе пропагандистской документалистики с расчетом на эмоциональное воздействие на зрителя шокирующими фактами. Конечный посыл его сводится к тому, что огромные капиталы уходят в Китай, а добычей бивней занимаются местные организованные преступные группировки, чья деятельность вредит экологии края и наносит ущерб его археологическому и палеонтологическому изучению. Существует и альтернативная версия, объясняющая поднятие шума в СМИ: это связано со стремлением монополизировать рынок отдельными представителями бизнеса, заинтересованными в пересмотре сложившихся правил игры¹¹. Проявление внимания со стороны федеральных законодателей, в свою очередь, дает повод полагать, что эти правила могут быть переопределены в пользу федерального бюджета.

* * *

Патерналистская политика СССР в отношении народов Севера во многом является ориентиром для чиновников современной Якутии, а идентичность, выстраиваемая государством для коренных малочисленных народов в ту эпоху, стойко воспроизводится их представителями и сегодня. Жизнь в советское время стала объектом ностальгических воспоминаний по крайней мере для части оленеводов арктического с. Юрюнг-Хая. Для ностальгического контекста совершенно не важны негативные стороны политики или степень лояльности/нелояльности (скрытого сопротивления) жителей села советскому государству (Давыдов 2008: 146–162). На передний план выходят высокие зарплаты, обеспеченность всем необходимым, престиж профессии оленевода. Период ослабления государства на севере Якутии, связанный с резким сокращением финансирования оленеводства, хотя и не привел к смене вида деятель-

⁸ Добыча бивней мамонта в Якутии остается теньвым бизнесом. <http://1sn.ru/181543.html> (дата обращения: 25.01.2019).

⁹ Бизнес на костях мамонтов надо строить по закону. <https://regnum.ru/news/1916284.html> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁰ Якутия разработала закон о сборе бивней мамонта. <http://nazaccent.ru/content/26214-yakutiya-gazbotala-zakon-o-sbore-bivnej.html> (дата обращения: 25.01.2019); Бизнес по добыче бивней мамонта выведут из тени. <http://iltumen.ru/content/biznes-po-dobyche-bivnei-mamonta-vyvedut-iz-teni> (дата обращения: 25.01.2019).

¹¹ Скелеты в шкафу. <http://www.vecherniy.com/wall?id=895> (дата обращения: 25.01.2019).

ности большей части работников отрасли, но вызвал у них стойкие негативные ассоциации в отношении постсоветского государства. В то же время новое время предоставило оленеводам широкие возможности для выбора экономических стратегий, обретения новых социальных связей. Возможно, именно поэтому в отдельных случаях оленеводы с Юрюнг-Хая высказывались не за усиление государственного патернализма, а за предоставление большей самостоятельности в решении хозяйственных вопросов и управлении ресурсами. Таким образом, в сознании и поведении оленеводов зачастую проявляется амбивалентность по отношению к государству.

Муниципальное предприятие Юрюнг-Хаи сбывает продукцию оленеводства преимущественно на внутрирайонном рынке. При этом доход предприятия составляет незначительную долю совокупных денежных средств, находящихся в его распоряжении, большая часть которых – это республиканские дотации. Штатные оленеводы и чумработницы МУПа по-своему приспособились к рыночным условиям, используя разные возможности для дополнительного заработка. Во время трехлетнего периода невыплаты заработанных плат переключение на охоту и рыболовство помогло оленеводам выжить и сохранить при этом свое место в штате предприятия. В XXI в. помимо этих занятий и сбора рогов оленей возможным дополнительным заработком, к которому прибегают некоторые семьи оленеводов, является поиск бивней мамонта. Допустимые объемы добычи ресурсов определяются населением с. Юрюнг-Хая в значительной степени с опорой на выработанные в местном сообществе нормы и представления об их использовании («свободные места» сообщества). Вылов рыбы может быть общей коллективной практикой работников одной бригады, тогда как добыча бивня мамонта чаще носит индивидуальный или семейный характер.

Среди оленеводов распространены страхи, связанные с усилением государственного контроля вылова рыбы и добычи бивня мамонта, – контроля, воспринимаемого как ожидаемая неизбежность. В последние несколько лет республиканскими и федеральными чиновниками, а также журналистами некоторых СМИ неоднократно поднимался вопрос о необходимости принятия нового закона, регулирующего добычу останков мамонтовой фауны. В этом стремлении можно увидеть общую логику государственного развития через унификацию и интеграцию в данном случае экономического поля (Бурдые 2016: 416–428). Вызывает сомнение, что эта законодательная инициатива будет способствовать появлению новых возможностей и улучшению качества жизни населения арктической Якутии.

Источники

Андреева и др. – Андреева С., Гольдерова А., Константинова А. Анабар. Вечные ценности. Красноярск: Инспаер, 2012.

Гольдерова, Дадаскинов – Гольдерова А.А., Дадаскинов С. (ред.) Николай Егорович Андросов. Якутск: Триада, 2004.

Губарев 2016 – Губарев В. В Якутии значительно сократилось поголовье оленей // Информационно-аналитический портал SakhaNews. Экономика и бизнес. 10.06.2016. <http://www.1sn.ru/show.php?id=167837>

ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Анабарский р-н; июль–сентябрь 2015 г.

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Анабарский р-н в мае 2017 г.

Научная литература

- Андерсон 1998 – Андерсон Д.Дж. *Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Баскин 2011 – Баскин Л.М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства // *Этнографическое обозрение*, 2011. № 2. С. 28–43.
- Бурдые 2016 – Бурдые П. *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. М.: Дело, 2016.
- Воробьев 2011 – Воробьев Д. «Диковка» в Чиринде – промысел дикого северного оленя в XXI столетии // *«Не любопытства ради, а познания для...»*. К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / ред. Н.А. Дубова, Ю.Н. Квашнин. М.: Старый сад, 2011.
- Грэй 2016 – Грэй П.А. Современное состояние оленеводства на Чукотке / Пер. С.В. Соколовский // *Этнографическое обозрение*, 2016. № 6. С. 44–56.
- Гурвич 1966 – Гурвич И.С. *Этническая история Северо-Востока Сибири*. М.: Наука, 1966.
- Давыдов 2008 – Давыдов В.Н. Национальная эвенкийская деревня на Северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2008. Т. XI. № 3. С. 146–163.
- Зелизер 2004 – Зелизер В. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
- Иванова, Штаммлер 2017 – Иванова А.А., Штаммлер Ф.М. Многообразии управляемости природными ресурсами в российской Арктике // *Сибирские исторические исследования*, 2017. № 4. С. 210–225.
- Поворознюк 2011 – Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Попов 1937 – Попов А.А. Техника у долган // *Советская этнография*, 1937. № 1. С. 91–136.
- Сирина 2010 – Сирина А.А. *От совхоза к родовой общине. Социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века*. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Сирина 2012 – Сирина А.А. *Эвенки и эвены в современном мире*. М.: Восточная литература, 2012.
- Сирина, Давыдов 2017 – Сирина А.А., Давыдов В.Н. «...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту»: патернализм и рыночная экономика в северо-восточном Прибайкалье // *Этнографическое обозрение*, 2017. № 1. С. 70–85.
- Скотт 2005 – Скотт Дж. *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни* / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчиновой. М.: Университетская книга, 2005.
- Соколовский 2001 – Соколовский С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2. С. 17–30.
- Ссорин-Чайков 2012 – Ссорин-Чайков Н.В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // *Социология власти*, 2012. № 4–5 (1). С. 155–187.
- Стручков 2005 – Стручков А.И. *Очерки по истории Булунского улуса*. Якутск: Бичик, 2005.
- Хаховская 2011 – Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // *Этнографическое обозрение*, 2011. № 6. С. 112–127.
- Anderson 2006 – Anderson D.G. Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with Reindeer Fifteen Years after the End of State Socialism // *Nomadic Peoples*, 2006. Vol. 10. № 2. P. 87–104.
- Davydov 2014a – Davydov V. Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region // *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2014a. Vol. 8. No. 2. P. 7–32.
- Davydov 2014b – Davydov V.N. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village // *Polar Record*, 2014b. Vol. 50. No. 4. P. 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>.
- King 2002 – King A.D. Without Deer There is No Culture, Nothing // *Anthropology and humanism*, 2002. Vol. 27. No. 2. P. 133–164.

- Krupnik 2000 – Krupnik I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival in the Time of Crash // *Polar Research*, 2000. Vol. 19. No. 1. P. 49–56.
- Ventsel 2005 – Ventsel A. *Reindeer, Rodina and Reciprocity. Kinship and property relations in a Siberian village*. Münster: Lit-Verlag, 2005.

References

- Anderson, D.D. 1998. *Tundroviki: Ekologiya i samosoznanie taimyrskikh evenkov i dolgan* [Tundra People: Ecology and Identity of the Taimyr Evenks and Dolgans]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniia RAN.
- Anderson, D.G. 2006. Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with Reindeer Fifteen Years after the End of State Socialism. *Nomadic Peoples* 10 (2): 87–104.
- Baskin, L.M. 2011. Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostoianie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva [Current Reindeer Herding in Russia: Condition, Mobility, Property Rights, State Paternalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 28–43.
- Bourdieu, P. 2016. *O gosudarstve. Kurs leksii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [About the State: Lecture Course at Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Delo.
- Davydov, V. 2014. Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 8 (2): 7–32.
- Davydov, V.N. 2008. Natsional'naia evenkiiskaia derevnia na Severnom Baikale: soprotivlenie dominiruiushchemu diskursu [National Evenk Village on Northern Baikal: Resistance to the Dominant Discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* XI (3): 146–163.
- Davydov, V.N. 2014. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record* 50 (4): 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>
- Gray, P.A. 2016. Sovremennoe sostoianie olenevodstva na Chukotke [The Present State of Reindeer Herding in Chukotka], transl. by S.V. Sokolovskii. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 44–56.
- Gurvich, I.S. 1966. *Etnicheskaiia istoriia Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic History of the North-East of Siberia]. Moscow: Nauka.
- Ivanova, A.A., and F.M. Stammer. 2017. Mnogoobrazie upravliaemosti prirodnymi resursami v rossiiskoi Arktike [Diversity of Natural Resource Management in the Russian Arctic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 210–225.
- Khakhovskaia, L.N. 2011. Sovetskaia modernizatsiia olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyrskogo raiona Chukotki) [Soviet Modernization of Reindeer Husbandry in the Remote Northern Regions (On the Example of the Anadyr District of Chukotka)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 112–127.
- King, A.D. 2002. Without Deer There is No Culture, Nothing. *Anthropology and humanism* 27 (2): 133–164.
- Krupnik, I. 2000. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival in the Time of Crash. *Polar Research* 19 (1): 49–56.
- Popov, A.A. 1937. Tekhnika u dolgan [Dolgans Technique]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 91–136.
- Povorozniuk, O.A. 2011. *Zabaikal'skie evenki: sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye transformatsii v XX–XXI vekakh* [Transbaikal Evenks: Socio-Economic and Cultural Transformations in the 20th–21th Centuries]. Moscow: IEA RAN.
- Sirina, A.A. 2010. *Ot sovkhoha k rodovoi obshchine. Sotsial'no-ekonomicheskie transformatsii u narodov Severa v kontse XX veka* [From the Farm to the Tribal Community: Socio-Economic Transformations of the Peoples of the North at the End of the 20th Century]. Moscow: IEA RAN.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire* [Evenki and Evens in the Modern World]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Sirina, A.A., and V.N. Davydov. 2017. «...Ne imeiushchie ni khlebopashestva, ni skotovodstva, ni olenei, a tol'ko odnu lish' rechku etu»: paternalizm i rynochnaia ekonomika v severo-vostochnom Pribaikal'e [«... Having neither Arable Farming, nor Cattle Breeding, nor Deer, But Only

- One This River»: Paternalism and Market Economy in the Northeastern Baikal Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 70–85.
- Skott, J. 2005. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], transl. by E.N. Gusinskogo and Yu.I. Turchinova. Moscow: Universitetskaya kniga, 2005.
- Sokolovskii, S.V. 2001. Problemy samoopredeleniia i samoupravleniia korennykh narodov (obzor) [Problems of Self-Determination and Self-Governance of Indigenous Peoples (Review)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 17–30.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2012. Gobbs v Sibiri: sotsial'naia zhizn' gosudarstva (iz knigi "Sotsial'naia zhizn' gosudarstva v severnoi Sibiri") [Hobbes in Siberia: The Social Life of the State (From the Book "The Social Life of the State in Northern Siberia")]. *Sotsiologiya vlasti* 4–5 (1): 155–187.
- Struchkov, A.I. 2005. *Ocherki po istorii Bulunskogo ulusa* [Essays on the History of Bulunsky Ulu]. Yakutsk: Bichik.
- Ventsel, A. 2005. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Münster: Lit-Verlag.
- Vorobev, D. 2011. "Dikovka" v Chirinde – promysel dikogo severnogo olenia v XXI stoletii [Wild Hunting in Chirinda – Wild Reindeer Hunting in the 21st Century]. In *"Ne liubopytstva radi, a poznaniia dlia..."*: K 75-letiiu Yuriia Borisovicha Simchenko ["Not for Curiosity, but for Knowledge...": To the 75th Anniversary of Yuri Borisovich Simchenko], edited by N.A. Dubova and Yu.N. Kvashnin. Moscow: Staryi sad.
- Zelizer, V. 2004. Sotsial'noe znachenie deneg: den'gi na bulavki, cheki, posobiia po bednosti i drugie denezhnye edinitsy [The Social Value of Money: Money on Pins, Checks, Benefits for Poverty and Other Monetary Units. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE.

Evgeniy V. Kaduk. The economy of reindeer farms in the north-west of the Sakha Republic (Yakutia) in the XXI century: paternalism and independence

Reindeer husbandry today occupies an important place in the policy of the Republic of Sakha (Yakutia) in relation to the regions of residence of the peoples of the North and also in the local municipal policy considered in the work of the Anabarsky district. The goals of the policy are to support and preserve the local culture and ensure the food security of the regions associated with reindeer herding. The reindeer breeders of Yuryung-Khaya today are building their economic strategies relying on the paternalistic policies pursued by the state, on the one hand, and actively using broader ties and entrepreneurial skills that were first demonstrated during the decline of the 1990s, on the other. In various contexts, ambivalence is manifested in the behavior of reindeer herders: alternating avoidance practices with the desire for greater autonomy and appeal to the authority of the state. Modern reindeer herders of Yuryung-Khaya to a greater or lesser extent use part of the available resources, not only to meet their primary needs, but also to improve their well-being and strengthen their household.

Keywords: reindeer herding, dolgans, paternalism, the Republic of Sakha (Yakutia), market economy, entrepreneurship, adaptation, free places.